

В. А. Соллогуб. Из воспоминаний (О Лермонтове).

 Источник: Соллогуб В. А. Из воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 346–349.

Оригинал находится здесь: [Фундаментальная электронная библиотека](#).

Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта – Лермонтова. С Лермонтовым я сблизился у Карамзиных и был в одно время с ним сотрудником "Отечественных записок". Светское его значение я изобразил под именем Леонина в моей повести "Большой свет", написанной по заказу великой княгини Марии Николаевны. Вообще все, что я писал, было по случаю, по заказу – для бенефисов, для альбомов и т. п. "Тарантас" был написан текстом к рисункам князя Гагарина, "Аптекарьша" – подарком Смирдину [1]. Я всегда считал и считаю себя не литератором *ex professo** [по профессии – лат.], а любителем, прикомандированным к русской литературе по поводу дружеских сношений. Впрочем, и Лермонтов, несмотря на громадное его дарование, почитал себя не чем иным, как любителем, и, так сказать, шалил литературой. Смерть Лермонтова, по моему убеждению, была не меньшею утратой для русской словесности, чем смерть Пушкина и Гоголя. В нем выказывались с каждым днем новые залюги необыкновенной будущности: чувство становилось глубже, форма яснее, пластичнее, язык самобытнее. Он рос по часам, начал учиться, сравнивать. В нем следует оплакивать не столько того, кого мы знаем, сколько того, кого мы могли бы знать. Последнее наше свидание мне очень памятно. Это было в 1841 году: он уезжал на Кавказ и приехал ко мне проститься. "Однако ж, – сказал он мне, – я чувствую, что во мне действительно есть талант. Я думаю серьезно посвятить себя литературе. Вернусь с Кавказа, выйду в отставку, и тогда давай вместе издавать журнал" [2]. Он уехал в ночь. Вскоре он был убит. <...>

Настоящим художникам нет еще места, нет еще обширной сферы в русской жизни. И Пушкин, и Гоголь, и Лермонтов, и Глинка, и Брюллов были жертвами этой горькой истины.

* * *

Самыми блестящими после балов придворных были, разумеется, празднества, даваемые графом Иваном Воронцовым-Дашковым. Один из этих балов остался мне особенно памятным. Несколько дней перед этим балом Лермонтов был осужден на ссылку на Кавказ. Лермонтов, с которым я находился сиздавна в самых товарищеских отношениях, хотя и происходил от хорошей русской дворянской семьи, не принадлежал, однако, по рождению к квинтэссенции петербургского общества, но он его любил, бредил им, хотя и подсмеивался над ним, как все мы, грешные... К тому же в то время он страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину [3] и следовал за нею всюду, как тень. Я знал, что он, как все люди, живущие воображением, и в особенности в то время, жаждал ссылки, притеснений, страданий, что, впрочем, не мешало ему веселиться и танцевать до упаду на всех балах; но я все-таки несколько удивился, застав его таким беззаботно веселым почти накануне его отъезда на Кавказ; вся его будущность поколебалась от этой ссылки, а он как ни в чем не бывало кружился в вальсе. Раздосадованный, я подошел к нему.

– Да что ты тут делаешь! – закричал я на него, – убирайся ты отсюда, Лермонтов, того и гляди, тебя арестуют! Посмотри, как грозно глядит на тебя великий князь Михаил Павлович!

– Не арестуют у меня! – шурясь сквозь свой лорнет, вскользь проговорил граф Иван, проходя мимо нас.

В продолжение всего вечера я наблюдал за Лермонтовым. Его обуяла какая-то лихорадочная веселость; но по временам что-то странное точно скользило на его лице; после ужина он подошел ко мне.

– Соллогуб, ты куда поедешь отсюда? – спросил он меня.

– Куда?... домой, брат, помилуй – половина четвертого!

– Я пойду к тебе, я хочу с тобой поговорить!... Нет, лучше здесь... Послушай, скажи мне правду. Слышишь – правду... Как добрый товарищ, как честный человек... Есть у меня талант или нет?... говори правду!..

– Помилуй, Лермонтов, – закричал я вне себя, – как ты смеешь меня об